

Когда любителей почесать языком ловят за руку, они обычно теряются. Сцена вышла неловкой до предела. Однако некоторые взрослые, прикрываясь возрастом, ведут себя на редкость бесстыдно.

— И что с того, что говорим? — огрызнулась одна из них. — Брат у тебя малолетний бандит, так что и от тебя добра ждать нечего.

Янь Цун нахмурился и спокойно спросил:

— Скажите, если ваш сын начнет воровать, это будет значить, что вы его так воспитали? А если ваш отец ввяжется в драку, вы тоже автоматически станете плохим человеком?

Женщина побагровела от злости:

— Ах ты щенок! Да как ты смеешь так со взрослыми разговаривать?!

Янь Цун ответил предельно невозмутимо:

— Кто оскорбляет других, тот сам навлекает на себя позор. Надеюсь, вы это понимаете. Каждый человек — самостоятельная личность, даже если речь идет о самых близких родственниках. Оставим в стороне вопрос о том, какой мой брат человек. Поговорим обо мне. Во-первых, я вас двоих знать не знаю. Во-вторых, я вас ничем не задевал. В-третьих, я не совершал ничего противозаконного или аморального. И то, что вы, взрослые женщины, тычете пальцем в тринадцатилетнего ребенка и публично его унижаете — это поведение, достойное старших? И вообще, мы разве знакомы?

Янь Цун говорил достаточно громко. На улице в этот час было полно спешащих на уроки школьников. Кого-то провожали родители, большинство шли сами; попадались среди прохожих и учителя. Спокойные, логичные доводы мальчика нашли отклик у многих. Подростки часто воспринимают взрослых как людей из другого мира — тех, кто вечно поучает и корит за любой проступок, что страшно раздражает. Поэтому, даже не зная предыстории, прохожие инстинктивно приняли сторону Янь Цуна.

Тем более те, кто знал его лично. Янь Цун учился блестяще, стабильно входя в пятерку лучших учеников параллели. Учителя его ценили, а сам он всегда вел себя скромно, тихо и никого не задевал. Пусть он и держался в тени, но неприязни ни у кого не вызывал. С какой стати посторонние тетki нападают на него посреди улицы? Разумеется, преподаватели тоже заступились за своего ученика — с чего вдруг чужаки распускают язык?

Толпа вокруг загудела, принимая сторону подростка. Зачинщицы скандала занервничали, но сдаваться не собирались.

— Да у него брат в тюрьме сидит! — принялись они визгливо оправдываться. — Каким он сам-то хорошим вырастет? Вы ничего не знаете, а лезете!

— Что бы ни натворил его брат, мальчик-то здесь при чём? — вмешался один из учителей. — Нападать на ребенка, который ни в чем не виноват, и считать себя правыми — вам самим не стыдно?

Одна из девочек, ученица третьего класса средней школы, громко заметила:

— Погодите-ка. Я только что видела старшего брата Цзянь Цуна у ворот школы, он нормально разговаривал с учителем. Чего вы тут врете?

Янь Цун взглянул на заговорившую девочку, тщетно пытаясь вспомнить, кто она такая. Он мысленно обратился к Системе. Взглянув на всплывший перед глазами виртуальный экран, он удивленно приподнял брови — в прошлой жизни эта особа действительно играла не последнюю роль в их кругу. Это была первая любовь Цзянь Сэня. Правда, уже в десятом классе она бросила этого никчемного лоботряса. Судя по всему, раз она узнала младшего брата, то с Цзянь Сэнем уже общалась довольно близко. Не исключено, что они уже начали встречаться.

Впрочем, сейчас это не имело значения. Главное — ее слова доказали, что Цзянь Сэнь на свободе, а значит, эти сплетницы нагло врани и клеветали на школьника. Учителя возмутились окончательно и потребовали, чтобы женщины извинились перед Янь Цуном. Разве те станут извиняться? Поняв, что крыть нечем, они поспешно ретировались, на ходу бормоча сквозь зубы оскорбления про «ненормальных» и «любопытных варварш». От подобных слов так и подмывало им врезать.

Янь Цун искусно разыграл глубокую обиду — в его глазах даже блеснули слезы.

Девочка подошла ближе и протянула ему бумажный платок:

— Не расстраивайся. Обычные базарные хабалки.

Янь Цун взял платок:

— Спасибо, сестрица.

Учителя, заступившиеся за него, тоже ободряюще похлопали его по плечу. Один из них преподавал у Янь Цуна химию. Он проводил мальчика до дверей школы и сразу же отвел к классному руководителю, учителю Ван.

Учитель Ван, выслушав коллегу, едва не задохнулась от возмущения:

— Цзянь Цун такой послушный, умный мальчик, учится прекрасно! Уважает старших, вежливый. С какой стати какие-то незнакомки поливают его грязью прямо на улице?!

Химик лишь покачал головой, видя, как сильно классный руководитель привязана к Янь Цуну. Это лишний раз доказывало, что мальчик завоевал всеобщую любовь не только отличными оценками.

— У некоторых людей просто нет совести, им лишь бы языками почесать, — вздохнул он. — Раньше хоть за спиной шушукались, а теперь средь бела дня на ребенка нападают. Ума не приложу, откуда столько злобы. Успокой его, беднягу, совсем затравили парня.

В обеденный перерыв Учитель Ван позвала Янь Цуна к себе в кабинет. На столе его ждало угощение: сочная куриная ножка и пара вареных яиц.

— Я сегодня с обедом не рассчитала, слишком много принесла, — мягко улыбнулась она. — Помоги мне, пожалуйста, съешь это.

Янь Цун прекрасно понимал, что это лишь предлог, чтобы его подбодрить. На душе у него потеплело.

— Спасибо вам большое!

Он не знал, как выразить всю свою благодарность словами, но твердо решил: эту доброту он запомнит навсегда и обязательно отплатит учителю Ван, когда вырастет.

Пока они обедали, Учитель Ван деликатно расспросила его о домашней обстановке.

— Брат просто сильно поссорился с родителями и ушел, — послушно ответил Янь Цун. — Я всех подробностей не знаю. Но сегодня утром мама с папой сами отвели его в школу. Наверное, побоялись, что он опять сбежит и прогуляет уроки.

Раз Цзянь Сэня видели на занятиях, значит, слухи об аресте были преувеличены.

— Не обращай внимания на то, что болтают глупые люди, — ласково сказала Учитель Ван.

Янь Цун серьезно кивнул:

— Да. Но я считаю, что поступил правильно, когда ответил им. Если я прав, то почему должен молча сносить оскорбления? Я ведь не устраивал истерику, а говорил по делу.

Изначально Учитель Ван собиралась посоветовать ему просто проходить мимо в следующий

раз. Но, выслушав мальчика, она задумалась. Действительно, с какой стати? Ребенок ни в чем не виноват, так почему он должен терпеть публичные помои? Защищать свое достоинство — естественное право каждого.

— Ты абсолютно прав, — согласилась она. — Но всегда нужно думать о безопасности. Сегодня все случилось рядом со школой, где тебя поддержали учителя и одноклассники. Но если ты окажешься один среди незнакомых людей, которые вряд ли за тебя заступятся, лучше промолчать и уйти. Не рискуй зря.

— Я понимаю, — улыбнулся Янь Цун. — Если они полезут с кулаками от злости, я один против взрослых не сдюжу. Так что подставляться не стану.

Учитель Ван рассмеялась:

— Рада, что ты такой смысленый. Но, думаю, мне все же стоит переговорить с твоими родителями о случившемся. Что скажешь?

Янь Цун ненадолго задумался, а затем кивнул:

— Хорошо. Только, пожалуйста, не говорите им, что я знал о вашем звонке.

— Договорились, — тепло ответила Учитель Ван. — Я ценю твое мнение и ни за что не создам тебе лишних проблем дома. Не переживай.

Вечером Учитель Ван действительно позвонила И Сыцзя и подробно изложила утреннее происшествие. И Сыцзя пришла в ярость. Какими бы ни были ее истинные чувства к приемному сыну, он оставался частью ее семьи, и терпеть нападки посторонних теток она не намеревалась. К тому же сплетницы полоскали имя ее любимого первенца, Цзянь Сэня, а это задевало за живое. Но хуже всего было другое: новость об аресте старшего сына все-таки просочилась наружу. Раз эти женщины узнали Янь Цуна, значит, они прекрасно знали и всю их семью. И Сыцзя лихорадочно перебирала в уме лица соседей и знакомых по кварталу, и от этой паранойи ей становилось не по себе.

Впрочем, И Сыцзя, которая тряслась над каждой копеечкой, в вопросах приличия умела держать лицо. Она рассыпалась в благодарностях перед учительницей, а повесив трубку, сразу же позвала Янь Цуна.

— Эрбао, почему ты ничего не рассказал нам о том, что случилось утром? — спросила она, пытливо вглядываясь в его лицо.

Ей крайне не нравилась его скрытность. Приемный сын должен быть у нее как на ладони, иначе как она сможет в будущем контролировать этого приемного сына и заставить его жениться на своем родном сыне?

Янь Цун понурил голову и тихо произнес:

— Я не хотел вас расстраивать. Если бы брат услышал, ему было бы очень больно. Он бы разозлился, вы бы снова начали ругаться, и он бы опять сбежал из дома.

На мгновение И Сыцзя уколола мимолетная стыдливость за свои корыстные мысли. Но совесть в ней никогда не задерживалась надолго.

— Глупенький, о таких вещах все равно нужно рассказывать маме, понимаешь? Как выглядели те женщины? Ты раньше их где-нибудь видел?

Тут Янь Цуну не было нужды лгать:

— Не припомню их лиц. Но раз они знают меня, значит, знакомы с вами или с папой. Или это мамы одноклассников моего брата? На вид им за сорок.

Круг подозреваемых выходил слишком широким. Но логика в словах сына определенно была: скромный и тихий Янь Цун физически не мог нажить себе личных врагов в таком возрасте. Значит, метили в них с мужем. Неужели соседи исходят желчью из-за того, что Цзянь Нань недавно привез приличную сумму с рейса? Зависть — страшная штука.

В итоге И Сыцзя и ее муж принялись ломать над этим голову вместе. Ситуация осложнялась тем, что уже в четверг Цзянь Нань должен был снова уйти в рейс, причем на этот раз дальний — поездка туда и обратно займет не меньше трех месяцев. Все домашние заботы и, что хуже всего, контроль над непутевым Цзянь Сэнем ложились на плечи женщины. От одной этой мысли у нее раскалывалась голова. Деваться было некуда: после рождения второго ребенка она толком не работала, а последние два года и вовсе полностью посвятила себя дому и детям. Семью содержал муж, так что ей волей-неволей придется справляться в одиночку.

Единственным утешением в этой череде проблем оставался Янь Цун — приемыш, которого она когда-то хладнокровно подменила в роддоме. Мысли о будущей выгоде, которую он принесет, его нынешняя покладистость и готовность помогать по хозяйству внушали облегчение. По крайней мере, этот ребенок не доставлял хлопот. И Сыцзя облегченно вздохнула.

К счастью, после двух суток за решеткой Цзянь Сэнь заметно притих. Масла в огонь подлило то, что один из его сокамерников оказался беглым убийцей, находившимся в розыске. В изоляторе старожилы застращали парня, уверяя, что того бедолагу точно пустят в расход, а любого, кто хоть как-то с ним связан, затаскают по допросам. Пусть это были лишь тюремные байки для новичков, на малолетнего хулигана они произвели неизгладимое впечатление. До матерого уголовника Цзянь Сэнь еще не дорос и в свои пятнадцать лет прекрасно понимал, чем пахнет жареный петух.

Когда буйный нрав брата утих, в доме воцарился относительный покой, и уши Янь Цуна наконец-то отдохнули от вечных криков. Каждую неделю он исправно ходил в бассейн, где

тренировался вместе с Бай Цзиньчэном. Если у того возникали дела, он обязательно предупреждал друга по телефону. В реальном мире жизнь текла своим чередом, зато в виртуальном пространстве Системы становилось все интереснее.

Четырех пушистых щенков Янь Цун назвал просто: И-Эр-Сань-Сы. С фантазией у него в тот день явно было туго, зато путаницы не возникало. Недавно в их подземной обители появился Сяо У — та самая первородная курица, которую он спас. В один прекрасный день птица бесцеремонно устроилась прямо на охапке сухой усатой травы у входа в пещеру, свила там гнездо и отложила яйцо.

Щенки поначалу проявили к пернатой гостье живейший интерес, но наседка быстро показала характер. Сань сунул свой любопытный нос слишком близко и тут же получил болезненный удар клювом по лапе — до крови. Этот урок пошел малышам на пользу: они мигом сообразили, что соваться к существу, которое превосходит их размерами, себе дороже.

Янь Цун, бережно перевязывая раненую лапку щенка, втайне радовался соседству. Пусть птица устроила инкубатор прямо у него под боком, это сулило огромную выгоду. Интересно, кто вылупится из этого хрустального геод-яйца?

Ему позарез нужны были обычные куры, чтобы со временем развести целое поголовье — тогда на его столе всегда будут свежие яйца и сочное домашнее мясо. К тому же в меню навыков Системы он заприметил рецепт изготовления пуховых изделий: на начальном уровне их можно было мастерить, смешивая куриные перья и усатую траву. Так что перья теперь тоже ценились на вес золота!

Приближались очередные выходные, и Янь Цун с нетерпением ждал поездки в бассейн. Накануне он специально приготовил внушительную порцию картофеля фри из выращенных в пространстве корнеплодов, собираясь угостить Бай Цзиньчэна.

Однако за ужином И Сыцзя, выставив на стол гору лакомств, огорошила сыновей новостью:

— Завтра я иду на собеседование. Эрбао, я сейчас наберу учителю Ван, так что поедешь в бассейн с ней, как обычно. Цзянь Сэнь, ты завтра либо сиди дома, либо отправляйся к младшему дяде — у него скоро экзамены, как раз вместе за учебники сядете.

Цзянь Сэнь недовольно скривился:

— Дома останусь. Одному спокойнее.

Янь Цун мгновенно сопоставил факты. Все сходилось: И Сыцзя отправлялась наниматься на работу в дом семьи Янь. Вскоре госпожа Янь — его настоящая, биологическая мать — пожелает взглянуть на ребенка, родившегося в один день с ее собственным сыном. В прошлой жизни именно эта встреча стала его первым шагом за порог родного дома. Тогда это положило начало долгой трагедии для него и его настоящих родителей. Но в этой жизни он ждал этого

момента с замиранием сердца.

Шанс наконец-то сблизиться с отцом и матерью был близок как никогда. Досконально зная привычки и характеры всех обитателей поместья Янь, он не сомневался, что быстро завоевать их расположение не составит труда. А затем придет черед главного: он заставит семью Цзянь совершить роковую ошибку и выдать себя с потрохами. До поступления в университет он обязан официально вернуться в семью и вернуть себе законное имя!

<http://bllate.org/book/20137/2131138>